

Элинон Портер

ПОЛЛИАННА
ВЗРОСЛЕЕТ

Элино́р Порте́р

Поллианна взрослеет

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Портер Э. Х.

Поллианна взрослеет / Э. Х. Портер — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Поллианна взрослеет (перевод Елены Яновской)» - продолжение всемирно известного романа «Поллианна» американской писательницы Элинор Портер (англ. Eleanor Porter, 1868-1920). *** Девочка Поллианна превратилась в очаровательную молодую леди и встретила любовь. Как справится юное сердце с первым романтическим чувством? Элинор Портер также является автором романов «Встречные течения», «История Марко», «Мисс Билли» и «Решение мисс Билли». «Поллианна» Элинор Портер имела ошеломляющий успех в Америке и за ее пределами: к 1920 году книга была переиздана рекордное количество раз.

© Портер Э. Х.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Делла высказывается	5
Глава 2. Старинные друзья	10
Глава 3. Доза Поллианны	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Элино́р Портер

Поллианна взрослеет

Глава 1. Делла высказывается

Взлетев по крутой лестнице на крыльцо дома ее сестры на Комонвелт-авеню, Делла Уэтерби энергично ткнула пальцем в кнопку электрического звонка. Вся она, от украшенной плюмажем шляпки до туфель-лодочек, излучала здоровье, бодрость и задор. Даже голос ее был напоен радостью жизни, когда она обратилась к отворившей дверь служанке.

– Доброе утро, Мэри! Моя сестра дома?

– Д-да, мэм, миссис Керю дома, – неуверенно промямлила девушка, – но она сказала, что ее ни для кого нет...

– Вот как? Но ведь я не кто-то, – улыбнулась мисс Уэтерби, – значит, для меня она есть.

– Не бойся, всю ответственность я беру на себя, – добавила она в ответ на испуганный взгляд прислуги. – Где она сейчас? В гостиной?

– Д-да, мэм; но... она действительно не велела мне...

Напрасно: мисс Уэтерби уже поднималась по широкой лестнице, и горничная, отчаянно оглянувшись на гостью, закрыла за ней дверь.

Решительно пройдя коридор на втором этаже, Делла Уэтерби подошла к полуоткрытой двери и постучала.

– Мэри, что там еще такое? – ответил раздраженный голос. – Разве я не говорила, чтобы... Ах! Делла?

Любовь и приятное удивление сразу наполнили голос теплом.

– Это ты, милая? Какими судьбами?

– Да, это я, твоя Делла, – широко улыбнулась молодая женщина. – Я возвращаюсь из однодневного отпуска на побережье с двумя другими медсестрами. И вот, на обратном пути в санаторий, решила заглянуть к тебе. Я ненадолго, я вот ради чего...

И она нежно поцеловала обладательницу переменчивого голоса.

Миссис Керю нахмурилась и, невольно, даже чуть отпрянула от сестры. Воодушевление, которое она ощутила, тут же уступило место привычной раздраженной угнетенности.

– Ну, конечно! Я могла бы сразу догадаться! – воскликнула она. – Ты никогда здесь не задерживаешься.

– «Здесь»! – весело рассмеялась Делла Уэтерби, взмахнув руками.

Затем ее голос и весь ее вид неожиданно изменились. Она пристально и нежно посмотрела на сестру.

– Рут, дорогая, я просто не смогла бы поселиться в этом доме, ты сама знаешь. Я просто не смогла бы здесь жить, – мягко добавила она в заключение.

Миссис Керю раздраженно пожала плечами.

– Право, не пойму, с чего бы это, – возразила она сестре.

Дела Уэтерби покачала головой.

– Ты и сама знаешь, дорогая. Я категорически не приемлю всего этого: мрачности, неопределенности, горечи и нытья.

– Но если мне действительно горько, и я страдаю!

– А тебе не следует.

– Почему же нет? Что дает мне повод измениться?

Делла Уэтерби ответила нетерпеливым жестом.

– Рут, послушай, – принялась она убеждать сестру, – тебе тридцать три года. У тебя отменное здоровье, по крайней мере, оно было бы таковым, если бы ты о нем заботилась. У тебя нет недостатка в свободном времени, к тому же денег у тебя более чем достаточно. Кто угодно скажет: в такое замечательное утро ты могла бы найти себе занятие получше, чем тосковать, запершись в этом доме, словно в склепе, и приказав горничной, чтобы та никого к тебе не допускала.

– А если я никого не хочу видеть!

– Сделай так, чтоб захотелось.

Миссис Керю тяжело вздохнула и отвернулась от собеседницы.

– Ах, Делла, как ты не можешь понять? Я не такая как ты. Я не могу... не могу забыть.

Мучительная гримаса исказила лицо молодой женщины.

– Ты имеешь в виду Джеми, я полагаю? Так я вовсе не забыла его, дорогая. Как я могла бы... Но хандра не поможет нам отыскать его.

– Как будто я не пыталась отыскать его! Целых восемь лет, – едва сдерживая слезы, возмущалась миссис Керю. – И отнюдь не с помощью хандры.

– Я знаю, дорогая, – успокоила ее сестра, – и мы не оставим поисков, пока не найдем, или сами пропадем. Но и унывать нет смысла.

– Но у меня больше нет желания что-либо делать, – мрачно пробурчала Рут Керю.

На мгновение воцарилась тишина. Младшая сестра села, глядя на старшую взволнованно и неодобрительно.

– Рут, – наконец произнесла она с нотками отчаяния, – ты меня прости, но ты что же, всегда в таком состоянии будешь пребывать? Понимаю, ты овдовела. Но твоя жизнь в браке и продолжалась-то всего один год, а твой муж был намного старше тебя. Ты в то время была еще почти ребенком, и ваш единственный год совместной жизни должен казаться тебе смутным сном. Нельзя допустить, чтобы этот сон отравил тебе всю жизнь!

– Нет, о, нет, – пробормотала миссис Керю, все так же подавлено.

– Так что же, ты вечно будешь в таком состоянии?

– Что ж... конечно, если бы нашелся Джеми...

– Да, да, я знаю, Рут. Но, дорогая, неужели, кроме Джеми, ничто в мире тебя не радует?

– Не вижу ничего такого, на чем хотя бы задержать внимание, – равнодушно вздохнула миссис Керю.

– Рут! – воскликнула младшая сестра, на мгновение поддавшись гневу. Но тут же засмеялась. – Ох, Рут, Рут, я бы тебе назначила дозу Поллианны. Не знаю никого, кто нуждался бы в ней больше тебя!

Миссис Керю несколько напряглась.

– Я не знаю, что это за «поллианна», но в любом случае я ее не хочу, – резко заявила она, в свою очередь не сдержав гнева. – Ты не в своем любимом Санатории, а я не твоя пациентка. Поэтому ты мне процедуры не назначай и меня не вычитывай. Так и знай.

У Деллы Уэтерби в глазах заплескали огоньки, но лицо сохранило выражение серьезности.

– Дорогая, Поллианна – это не лекарство, – сдержанно объяснила она, – хотя некоторые утверждают, что она необыкновенно тонизирует. Поллианна – это девочка.

– Ребенок что ли? Откуда мне было знать, – недовольно проворчала сестра. – У вас же в медицине применяется «белладонна». Я и подумала, «поллианна» – тоже что-то в этом роде. Тем более ты всегда мне рекомендуешь какие-то новые лекарства. А поскольку ты сказала, «дозу»... Обычно так говорят именно о лекарствах.

– Что ж, Поллианна – тоже в своем роде лекарство, – улыбнулась Делла. – По крайней мере, врачи в Санатории говорят, что более действенного средства они придумать не способны. Это девочка лет двенадцати или тринадцати, и в прошлом году она пробыла в санатории все лето и часть зимы. Правда, мы с ней общались едва ли месяц или два, потому что она выпи-

лась вскоре после того, как я туда прибыла. Но этого времени оказалось достаточно, чтобы я успела полностью поддаться ее чарам. Впрочем, в Санатории все еще обсуждают Поллианну и не прекращают ее игру.

– Игру?

– Да, – кивнула Делла, загадочно улыбаясь. – Ее «игру в радость». Я никогда не забуду, как впервые ознакомилась с правилами. Одна из назначенных девочке процедур была чрезвычайно неприятной и даже довольно болезненной. Процедура выполнялась по вторникам, с утра. И вскоре после моего прибытия, мне поручили эту процедуру выполнять. Я боялась идти, потому что знала по опыту, что меня ждет: дети капризничают, плачут, а иногда случается и что-то похуже. К моему большому удивлению, девочка встретила меня улыбкой и сказала, что рада видеть меня. Ты не поверишь, но за все время я не услышала от нее ничего громче, чем легкий стон, хотя я знала, как бедняжке больно.

– Должно быть, – продолжала Делла, – я как-то слишком явно выразила свое удивление, потому что девочка с готовностью начала объяснять мне, в чем дело. Она сказала: «Да, я сначала тоже переживала из-за процедуры и боялась ее. Но потом мне пришло в голову, что это совершенно как день стирки у Нэнси. Поэтому именно по вторникам я могу быть счастливой. Ведь до следующего вторника, в таком случае, остается целая неделя».

– Ничего себе рассужденица! – нахмурилась миссис Керю. – Но я что-то не пойму, в чем заключается игра?

– Я тоже не сразу поняла. Но она мне потом объяснила. Девочка росла без матери. Отец, бедный пастор, воспитывал ее на пожертвования прихожан и Женского благотворительного общества. Девочка очень хотела куклу и очень надеялась найти ее в очередной партии пожертвований. А там оказалась лишь пара детских костылей. Девочка разрыдалась, и тогда отец научил ее игре. Эта игра заключается в том, чтобы находить радость во всем, что бы ни случилось. Он предложил ей сразу же начать и порадоваться тому, что костыли ей не нужны. С тех пор все и началось. Поллианна говорит, раз увлекшись игрой, она уже никогда ее не прекращала. Причем чем тяжелее бывало найти счастливую сторону в обстоятельствах, тем интереснее становилась игра, и тем больше бывала радость, когда удавалось ее найти.

– Ого, это что-то невероятное! – пробормотала миссис Керю, так до конца еще всего и не поняв.

– Ты бы еще не то сказала, если бы увидела последствия игры в Санатории, – согласно кивнула Делла. – А доктор Эймс говорит, он слышал, будто она таким образом перевоспитала весь городок, из которого приехала. Он хорошо знаком с доктором Чилтоном, который женился на тетке Поллианны. Кстати, их брак тоже состоялся с легкой руки Поллианны: она помирила двух влюбленных, уладив их давнюю ссору.

– Года два тому или чуть раньше, – продолжала рассказывать Делла, – отец Поллианны умер, и ее отправили на восток страны, к тетке. В октябре девочка попала под машину. Врачи сказали, она никогда не сможет ходить. В апреле же доктор Чилтон направил ее в Санаторий, и она лечилась там до прошлого марта, почти год. Домой возвращалась она уже практически здоровой. Видела бы ты этого ребенка! Только одно облачко омрачало ее счастье: она, видишь ли, не могла проделать весь путь домой пешком. Насколько мне известно, весь город встречал свою любимицу с духовыми оркестрами и приветственными транспарантами.

– Впрочем, – сказала Делла в завершение, – о Поллианне нет смысла рассказывать. Ее нужно увидеть! Потому-то я и сказала, что тебе не помешала бы доза Поллианны. Тебе пошло бы очень на пользу.

Миссис Керю гордо задрала подбородок.

– Не хотела бы я уподобляться тебе, – холодно заметила она. – Я не нуждаюсь в перевоспитании, и я ни в кого такого не влюблена, с кем мне нужно было бы помириться. И если что-то

и кажется мне невыносимым, так это пуританская проповедница, которая бы меня наставляла, что мне следует за все благодарить судьбу. Я бы никогда не вынесла...

Ее слова прервал звонкий смех сестры.

– Ах, Рут, Рут! – проговорила Делла сквозь смех. – Поллианна отнюдь не проповедница! Если бы ты только раз увидела этого ребенка! Впрочем, мне следовало предвидеть. Я же говорила, что о Поллианне бессмысленно рассказывать. И, конечно же, ты не склонна знакомиться с ней. Но сказать, что она «пуританская проповедница»!..

Молодую женщину охватил очередной приступ смеха. Но в следующее мгновение она посерьезнела и пристально посмотрела на сестру встревоженными глазами.

– А, по правде говоря, дорогая, неужели ничего нельзя сделать? Зачем же тратить понапрасну свою жизнь? Почему бы тебе не выйти наконец из дома, не пообщаться с людьми?

– Зачем, если у меня нет ни малейшего желания? Я устала от людей. Знаешь, я всегда скучала в обществе.

– Ну, а если тебе взяться за какую-нибудь работу? Благотворительность...

Миссис Керю раздраженно махнула рукой.

– Делла, милая, мы все это уже проходили. Я отдала достаточно денег на благотворительность. На самом деле, может, даже излишне много. Я не очень-то верю в обнищание населения.

– Дорогая, если бы ты посвятила себя какому-нибудь делу, – попыталась осторожно настаивать на своем Делла, – если бы заинтересовалась чем-то, это помогло бы тебе изменить свою жизнь, и тогда...

– Делла, милая, прекращай, – прервала ее упрямая старшая сестра. – Я люблю тебя, и я рада, что ты навестила меня, но я терпеть не могу поучений. Тебе пошла на пользу роль ангела-хранителя: ты подаешь людям стакан воды, перебинтовываешь им разбитые головы. Возможно, тебе это помогает забыть Джеми, но мне бы не помогло. Я только еще острее вспоминала бы о нем, думала бы, есть ли кому позаботиться о нем, подать ему стакан воды, перебинтовать голову... К тому же, само общение с больными людьми было бы мне неприятно.

– А ты уже пробовала?

– Еще чего! Конечно, нет! – в голосе миссис Керю прозвучали нотки презрительного возмущения.

– Так откуда же такая уверенность, если ты даже не попыталась? – спросила молодая сестра милосердия, вставая, несколько утомленная спором. – Мне пора, дорогая. Нужно еще встретиться с девушками на Южном вокзале. Наш поезд отправляется в половине первого.

– Прости, если я, сама того не желая, заставила тебя сердиться, – добавила она, целуя сестру на прощание.

– Делла, я не сержусь на тебя, – вздохнула миссис Керю. – Вот если бы только ты смогла понять меня...

Спустя мгновение, миновав молчаливые мрачные коридоры, Делла Уэтерби вышла на улицу. Выражение ее лица, жесты, походка были совсем не такими, как всего лишь час назад, когда она поднималась на крыльцо дома своей старшей сестры. Куда подевались бодрость, живость, радость жизни! Молодая женщина плелась, вяло переставляя ноги. Вдруг она резко подняла голову и глубоко вздохнула.

«Я в этом доме не выдержала бы и недели, – подумала она, вздрогнув. – Не думаю, ах, не думаю, что даже Поллианна была бы способна соперничать с мрачной его атмосферой. Единственную радость она бы нашла разве в том, что ей не приходится там жить».

Дальнейшие события, однако, показали, насколько притворным было неверие Деллы Уэтерби в способность Поллианна изменить положение вещей в доме миссис Керю. Только лишь молодая медсестра вернулась в Санаторий, она узнала нечто такое, что заставило ее уже на следующий день помчаться за восемьдесят километров, назад, в Бостон.

Как Делла и предполагала, она нашла миссис Керю в точно таком же состоянии. Было такое ощущение, что они вообще не расставались.

– Рут, я просто не могла не вернуться! – радостно провозгласила она, торопливо ответив на удивленное приветствие сестры. – И на этот раз ты должна уступить и сделать по-моему. Слушай! Я думаю, если только ты пожелаешь, та девочка, Поллианна, может поселиться у тебя.

– Я не же-ла-ю, – холодно отчеканила миссис Керю.

Но Делла Уэтерби словно бы и не слышала ее. Она возбужденно объясняла суть дела.

– Вчера, едва вернувшись в Санаторий, я узнала, что доктор Эймс получил письмо от доктора Чилтона, того, что женился на тетке Поллианны, я тебе говорила. Так вот, он пишет, что на зиму уезжает в Германию на какие-то медицинские курсы. А жену он хочет взять с собой, если сумеет убедить ее, что Поллианне будет хорошо в частной школе-интернате. Но миссис Чилтон не склонна оставлять девочку одну. Поэтому он боится, что и жена с ним не поедет. Это же наш счастливый случай, Рут! Я хочу, чтобы ты на эту зиму пригласила Поллианну к себе. Она будет ходить в местную школу.

– Делла, какая нелепая идея! Зачем мне хлопоты с ребенком!

– У тебя не будет с ней хлопот. Девочке уже тринадцать или около того, и ты даже не представляешь, какая она способная.

– Я не люблю способных детей, – неприязненно заметила миссис Керю и засмеялась.

Именно ее смех придал отваги младшей сестре, и та взялась убеждать старшую с удвоенным пылом.

То ли сыграл свою роль фактор неожиданности и новизна подхода, то ли история Поллианны действительно тронула сердце Рут Керю. А может, она просто поленилась опровергать аргументы сестры, посыпавшиеся на нее градом. Но, что из этого ни повлияло на первоначальное мнение Рут Керю, через час, когда Делла Уэтерби торопливо покидала дом старшей сестры, та уже успела пообещать, что примет у себя Поллианну.

– Но учти, – предостерегла миссис Керю сестру на прощание, – только эта малышка начнет поучать меня и проповедовать милосердие, она тотчас же вылетит отсюда, и тогда можешь делать с ней, что тебе самой заблагорассудится. А я ее терпеть не стану!

– Я приму к сведению, но я спокойна, – сказала Делла, кивая на прощание.

Уже выйдя из дома, она прошептала сама себе: «Половина дела сделана. Осталась другая половина – убедить Поллианну, чтобы она сюда переехала. Уж я напишу такое письмо, что ее никто не сможет от этого отговорить!»

Глава 2. Старинные друзья

В тот апрельский вечер в Белдингсвиле миссис Чилтон дождалась, пока Поллианна уляжется спать, и уж тогда начала с мужем разговор по поводу письма, которое она нашла в утренней почте. Впрочем, она в любом случае была бы вынуждена подождать с семейным советом, учитывая ненормированный рабочий день мужа и достаточно долгий путь, который доктор ежедневно проделывал на работу и обратно.

Было уже около половины десятого, когда он вошел в комнату жены. Его усталое лицо осветилось радостью при виде любимой женщины, но тотчас же в его глазах появилось выражение беспокойства.

– Полли, любимая, в чем дело? – озабоченно спросил муж.

Жена грустно улыбнулась в ответ.

– Дело в письме. Однако я не предполагала, что ты заметишь мое беспокойство по одному лишь моему виду.

– Ну, так зачем же было принимать такой вид? – улыбнулся он в ответ. – Так что в письме?

Какое-то мгновение миссис Чилтон колебалась, поджав губы. Затем взяла лежавшее рядом с ней письмо.

– Я тебе его прочитаю, – сказала она. – Письмо от Деллы Уэтерби из санатория доктора Эймса.

– Хорошо, начинай! – велел муж, растянувшись на диване, что стоял рядом с креслом жены.

Но, прежде чем начать, она поднялась и укрыла мужа шалью из серой домотканой шерсти. Прошло около года со дня свадьбы миссис Чилтон. Ей самой исполнилось сорок два. И, кажется, в этот короткий год брачной жизни, она пыталась отдать мужу весь тот нерастраченный запас женской заботы и нежности, который копился в ней в течение двадцати лет одиночества и недостатка любви. Со своей стороны, доктор, который женился в сорок пять лет и у которого за плечами тоже были только одиночество и недостаток любви, отнюдь не возражал против этой «концентрированной» нежности. Другое дело – принимая эту заботу и нежность вполне охотно, он пытался не выказывать чрезмерного восторга. Доктор замечал, что миссис Полли, столь долгое время бывшая мисс Полли, еще не вполне привыкла к своему положению замужней женщины, поэтому, если проявления ее чувств принимались со слишком очевидной благодарностью, она впадала в панику и пыталась сдерживать свое «неуместную» заботливость и «бессмысленную» нежность. Итак, муж ограничился тем, что слегка похлопал ее ладонь, когда разглаживала на нем шерстяную шаль.

Женщина устроилась рядом и начала вслух читать письмо.

«Моя дорогая миссис Чилтон, – писала Делла Уэтерби, – шесть раз я начинала писать Вам письмо и шесть раз разрывала его. Поэтому я решила не «начинать» больше, а сразу изложить Вам, что мне от Вас требуется.

Мне нужна Поллианна. Возможно ли это?

Мы познакомились с Вами и Вашим мужем в марте, когда Вы приехали за Поллианной, чтобы забрать ее домой, но я думаю, что Вы меня вряд ли помните. Я попрошу доктора Эймса (который меня знает очень хорошо) написать Вашему мужу, чтобы Вы смогли без опасений доверить нам (я надеюсь на это) свою знаменитую племянницу.

Насколько я понимаю, Вы уехали бы с мужем в Германию, если бы у вас были те, на кого вы решились бы оставить Поллианну. Поэтому я осмелилась

предложить Вам оставить ее у нас. Более того, дорогая миссис Чилтон, я прошу Вас об этом. И, с Вашего позволения, объясню, почему.

Моя сестра, миссис Керю, несчастная женщина. Жизненные обстоятельства совершенно сломили ее. Она создала вокруг себя безрадостную гнетущую среду, в которую не проникает даже лучик солнца. Я думаю, Ваша племянница Поллианна единственная во всем мире способна привнести в ее жизнь хоть лучик солнца. Не позволите ли Вы ей сделать такую попытку? Если бы я только могла описать Вам, что Поллианна сумела сотворить у нас в Санатории! Но выразить это словами невозможно. Это можно только увидеть. Я давно уже поняла, что о Поллианне нет смысла рассказывать, потому что в рассказах она предстает склонной к поучениям самодовольной проповедницей. А мы с Вами знаем, насколько она далека от этого. С Поллианной надо познакомиться, и она сама себя покажет. Вот оттого я так хочу познакомить ее со своей сестрой. Разумеется, Поллианна будет посещать школу, но в это же время она смогла бы исцелить израненное сердце моей сестры.

Не знаю, как закончить это письмо. Это кажется даже более сложным, чем начать его. На самом деле я бы его не заканчивала вообще. Мне хочется писать дальше и дальше из опасений, что, прервавшись, я даю Вам шанс отказать мне. Итак, если Вы действительно склонны сказать «нет», прошу Вас, считайте, что я снова и снова убеждаю Вас в том, как мне нужна Ваша Поллианна.

Исполненная надежды, Ваша Делла Уэтерби».

– Вот так вот! – воскликнула миссис Чилтон, откладывая письмо. – Случалось тебе читать подобный бред или слышать более нелепую, абсурдную просьбу?

– Я не уверен, – улыбнулся доктор. – В конце концов, желание приблизить к себе Поллианну не представляется мне таким уж нелепым.

– Но она это представляет таким образом... «Чтобы она исцелила израненное сердце сестры»... Можно подумать, речь идет не о ребенке, а о каких-то лекарствах!

Доктор от души расхохотался.

– В определенном смысле, Полли, так и есть. Я сам неоднократно жаловался, что не могу назначать ее, как назначают медикаменты или процедуры. А Чарли Эймс говорит, с тех пор, как Поллианна прибыла в санаторий и до момента, когда ее выписали, они всегда заботились, чтобы каждый пациент получил свою дозу Поллианны.

– «Дозу»? – фыркнула миссис Чилтон. – Скажешь еще тоже!

– Так ты ее непустишь?

– Конечно же, нет! Неужели ты думаешь, я способна отпустить ребенка с совершенно чужим человеком? Еще и с такой неуравновешенной особой... Знаешь, Томас, я думаю, если бы я согласилась на это, по приезде из Германии я получила бы племянницу разлитой в бутылки с этикеткой: как принимать, в каких дозах и от каких болезней.

Доктор снова захохотал, откинув голову назад. Но через мгновение выражение его лица изменилось, и он вытащил из кармана другое письмо.

– Я сегодня утром тоже получил письмо, от доктора Эймса, – объяснил он со странной ноткой в голосе, заставившей его жену нахмуриться. – Позволь я тоже прочитаю тебе это письмо.

«Дорогой друг Том! – начал он. – Мисс Делла Уэтерби попросила меня «дать характеристику» ей и ее сестре, что я очень охотно делаю. Этих девушек я знаю практически с момента их рождения. Они происходят из

добропорядочной благородной семьи и получили безупречное благородное воспитание. С этой точки зрения, тебе нечего бояться.

Сестер было трое: Дорис, Рут и Делла. Дорис обручилась с мужчиной по имени Джон Кент, хотя семья этот брак не одобряла. Кент происходил из уважаемой семьи, но сам был личностью сомнительной и, бесспорно, очень эксцентричной. Иметь с ним дело было не слишком приятно. В свою очередь, он был недоволен отношением к нему родственников жены, поэтому молодые супруги почти не общались с родней, пока не родился их первенец. Все Уэтерби боготворили малыша Джеймса, или Джеми, как они его называли. Дорис, молодая мать, умерла, едва мальчику исполнилось четыре года. Уэтерби прилагали все усилия, чтобы убедить отца отдать им ребенка. Но Кент вдруг исчез, забрав сына с собой. С тех пор он как в воду канул, несмотря на все поиски.

Эта потеря, можно сказать, добила стариков – мистера и миссис Уэтерби. Оба вскоре после этого умерли. Рут в то время уже побывала замужем и овдовела. Ее муж, мистер Керю, был очень богат и намного старше жены. Он прожил с молодой женщиной что-то около года и отошел, оставив ее с маленьким сынишкой, который через год тоже умер.

С тех пор как исчез малыш Джеми, Рут и Делла, похоже, посвятили себя единственной цели – найти его. Они тратили деньги безоглядно, они перевернули вверх дном весь мир, но все напрасно. Со временем Делла занялась медициной и стала медсестрой. Она блестяще работает и стала энергичной, жизнерадостной здоровой женщиной, какой ей и надлежит быть. Однако своего пропавшего племянника она не забывает ни на минуту и не пренебрегает ни одной ниточкой, которая могла бы к нему привести.

Иначе сложилась судьба миссис Керю. Потеряв своего ребенка, она отдала племяннику всю свою нереализованную материнскую любовь. Можете представить себе ее отчаяние, когда тот пропал. Произошло это восемь лет назад, и для нее эти годы стали восемью годами страданий, тоски и горечи. Она может позволить себе все, что можно купить за деньги, но ничего в мире ее не радует, ничего не интересует. Делла чувствует, что сестре настало время вырваться из плена одиночества. И также Делла верит, что светлая как солнышко племянница твоей жены, Поллианна, обладает тем ключиком, который открыл бы дверь в новую жизнь для миссис Керю. Если это действительно так, я надеюсь, вы сможете удовлетворить просьбу Деллы. Осмелюсь добавить, что я лично тоже был бы признателен вам за это, поскольку Рут Керю и ее сестра очень давние и близкие друзья моей жены и мои, и все, что касается их, также касается и нас.

*Неизменно твой друг,
Чарли».*

Когда доктор дочитал письмо, молчание продлилось так долго, что он, наконец, спросил: – Полли, что скажешь?

Все та же тишина. Присмотревшись к лицу жены, доктор заметил, что ее, как правило, неподвижные губы и подбородок дрожат. Поэтому он терпеливо ждал, пока жена заговорит.

– Как думаешь, когда они ждут ее приезда? – спросила она, наконец.

Неожиданно для себя доктор Чилтон ответил вопросом на вопрос.

– Значит, ты отпустишь ее? – воскликнул он.

Жена взглянула на него возмущенно.

– Томас, как ты можешь такое спрашивать! Ты полагаешь, будто после такого письма я посмела бы не пустить ее? После того, как доктор Эймс попросил об этом лично? После всего, что этот человек сделал для Поллианны, неужели я решилась бы отказать ему в чем-либо... о чем бы он ни попросил?

– Моя ты милая! Надеюсь только, доктору Эймсу не придет в голову попросить твоей любви, счастье мое, – язвительно заметил муж.

Но жена не пожелала оценить этот юмор и ответила строго:

– Напиши, пожалуйста, доктору Эймсу, что мы отправляем Поллианну: пусть он передаст мисс Уэтерби, чтобы та подробнее изложила нам свои пожелания. Надо решить все вопросы до десятого числа следующего месяца. То есть до времени твоего отъезда. Понятно, что я, прежде чем поеду с тобой, хочу лично убедиться, насколько хорошо ребенок устроен.

– А Поллианне когда скажешь? Завтра, наверное?.. И что именно ты ей скажешь?

– Я еще не решила. Но в любом случае только самое необходимое. Ни при каких обстоятельствах мы не имеем права испортить Поллианну. А ребенок не может не испортиться, если вобьет себе в голову, будто она какая-то... так сказать...

– ...«бутылочка с наклейкой: в каких дозах принимать, от каких болезней»? – улыбаясь, закончил доктор за нее предложение.

– Да, – вздохнула миссис Чилтон, – все держится на ее непосредственности. Ты сам знаешь, дорогой.

– Да, знаю, – утвердительно кивнул мужчина.

– Конечно, она знает, что и ты, и я, и полгорода – все играют в ее игру, и что мы счастливы в жизни именно потому, что играем в нее.

Голос миссис Чилтон задрожал, она сделала паузу. Затем продолжила:

– Но если бы, вместо того чтобы просто оставаться собой, она сознательно определила бы свою миссию, она уже не была бы той радостной наивной девчушкой, которую отец научил играть в радость. Она превратилась бы в самодовольную проповедницу, как писала та медсестра. Это было бы неизбежным.

– Итак, что бы я ей ни сказала, она не услышит, что призвана ободрить миссис Керю, – с решительным видом вставая и откладывая свое рукоделие, подытожила миссис Чилтон.

– Я всегда знал, какая ты мудрая, – одобрил ее слова муж.

Поллианне сообщили на следующий день. Вот, как это было:

– Милая моя, – начала тетя, оставшись в то утро наедине с племянницей, – хотела бы ты эту зиму провести в Бостоне?

– С тобой?

– Нет. Я решила ехать с твоим дядей в Германию. Но миссис Керю, хорошая знакомая доктора Эймса, пригласила тебя к себе на всю зиму. И я склонна отпустить тебя к ней.

Поллианна расстроилась.

– Но тетечка Полли, в Бостоне не будет ни Джимми, ни мистера Пендлтона, ни миссис Сноу – никого из моих знакомых.

– Не будет, милая. Но они тоже не были твоими знакомыми, пока ты не приехала сюда и не познакомилась с ними.

Лицо Поллианны озарила улыбка.

– А что, тетя Полли, это правда! Наверняка, в Бостоне есть свои Джимми, и мистер Пендлтон, и миссис Сноу, которые только и ждут, чтобы я с ними познакомилась. Правильно я говорю?

– Правильно, дорогая.

– Тогда мне есть чему порадоваться. Я думаю, тетя Полли, ты теперь умеешь играть лучше меня. Вот мне и в голову бы не пришло, что там люди ждут знакомства со мной. Да еще сколько их! Я некоторых видела два года назад, когда мы были там с миссис Грей. Мы

там стояли целых два часа по дороге с Запада. Там, на вокзале, один человек, очень славный, подсказал мне, где можно выпить воды. Думаешь, он там еще бывает? Я бы охотно с ним подружилась. А еще была очень славная леди с маленькой девочкой. Они живут в Бостоне. Они сами так сказали. Девочку зовут Сьюзи Смит. Возможно, я могла бы с ними познакомиться. Как думаешь, я могла бы? И был там еще мальчик, и еще одна дама с малышом. Но те живут в Гонолулу, поэтому их я вряд ли там встречу. Ну и, наконец, там живет миссис Керю. Тетя Полли, а кто такая миссис Керю? Она наша родственница?

– Вот беда-то, Поллианна! – воскликнула миссис Чилтон полушутя-полуотчаянно. – Ты надеешься, что кто-то способен угнаться за твоими рассуждениями, когда ты каждые две секунды мысленно перескакиваешь из Бостона в Гонолулу и обратно! Нет, миссис Керю нам не родственница. Она сестра мисс Уэтерби из Санатория. Ты помнишь мисс Деллу Уэтерби из Санатория?

Поллианна всплеснула руками.

– Она ее сестра? Сестра мисс Уэтерби? Ох, тогда она замечательная. Потому что мисс Уэтерби была замечательная. Мне ужасно нравилась мисс Уэтерби. У нее были морщинки-сморщинки в уголках рта и глаз, а еще она рассказывала прекрасные истории. Я была с ней всего лишь два месяца, потому что она прибыла в санаторий незадолго до того, как я выписалась. Мне сначала было обидно, что она не была там все это время. Но со временем я была даже довольна, потому что, если бы она была с нами все это время, было бы гораздо труднее с ней расставаться, чем когда мы с ней были знакомы такое короткое время. А теперь я буду как будто бы снова с ней, потому что я буду с ее сестрой.

Миссис Чилтон вздохнула и закусила губу.

– Поллианна, деточка, ты не можешь быть уверена, что они настолько уж похожи друг на друга.

– Тетечка Полли, они же сестры, – возразила девочка, широко открывая глаза, – а сестры, я думаю, должны быть очень похожи между собой. У нас в Женском благотворительном обществе было две пары сестер. Две сестры были близнецами. Так те были так похожи друг на друга, что ты бы ни за что не определила, которая из них миссис Пек, а которая миссис Джонс. Ну, пока у миссис Джонс не выскочила бородавка на носу. Тогда уж мы легко их стали различать, потому что сразу смотрели на бородавку. Я так и сказала миссис Джонс, когда она как-то стала жаловаться, что, мол, люди ее часто называют миссис Пек. А я ей говорю: они бы не ошибались, если бы обращали внимание на бородавку, как вот я делаю. А она отчего-то ужасно рассердилась. Хотя я, право, не знаю, чем она была так недовольна. Я думаю, ей бы радоваться, что нашелся способ так легко их различать. Тем более что она была председателем Комитета и любила, чтобы ей отдавали должное почтение, представляя гостям или на торжественных ужинах. Но она почему-то спасительной бородавке не радовалась. Я даже слышала впоследствии от миссис Уайт, что миссис Джонс делала все возможное, чтобы только избавиться от бородавки, и готова была ради этого даже ежа за пазухой носить. Впрочем, я себе не представляю, каким образом подобное может помочь. Тетя Полли, а еж за пазухой действительно помогает от бородавок на носу?

– Деточка! Конечно же, нет. Поллианна, ты как заведешь речь о своем Женском благотворительном обществе, тебя прямо невозможно остановить!

– Тетя Полли, правда? – виновато спросила девочка. – Так тебя это раздражает? Честное слово, тетечка, я не хотела тебе досаждать. А если даже тебе надоедают мои воспоминания о Женском благотворительном обществе, ты можешь этому радоваться. Ведь когда я вспоминаю о Женском благотворительном обществе, ты можешь быть уверена, что я счастлива оттого, что меня больше с ними ничего не связывает, и у меня есть своя собственная родная тетя. Тетечка Полли, правда, тебе это приятно?

– Да, да, дорогая, конечно, приятно, – улыбнулась миссис Чилтон, вставая и выходя из комнаты.

Ей вдруг сделалось неловко из-за тех остатков своего давнего раздражения по поводу безграничной радости Поллианны по любому поводу.

На протяжении нескольких последующих дней, пока велась переписка по поводу зимнего пребывания Поллианны в Бостоне, сама девочка, готовясь к отъезду, наносила прощальные визиты своим друзьям в Белдингсвиле.

В Вермонтском городке Поллианну знали сейчас практически все. И практически все играли в ее игру. Те немногие, кто от этого еще воздерживался, возможно, еще не до конца понимали, в чем заключается игра в радость. Теперь же Поллианна ходила из дома в дом с известием о том, что зиму она проведет в Бостоне. И все отчетливее повсюду в городке по этому поводу выказывалось разочарование – везде: от кухни в доме тетюшки Полли до большого дома на Пендлтонском холме, где обитал мистер Джон Пендлтон.

Нэнси решительно высказала всем, кроме своей хозяйки, что лично она считает поездку в Бостон полнейшей бессмыслицей. Со своей стороны, она бы скорее пригласила мисс Поллианну к своим, на Кулички. И пусть бы тогда миссис Полли ехала в эту свою Гармонию или куда там ей еще захочется.

Мистер Джон Пендлтон с Пендлтонского холма сказал, по сути, то же самое. Но он не побоялся выразить свое мнение миссис Чилтон прямо в глаза. Что касается Джимми, двенадцатилетнего мальчика, которого Джон Пендлтон приютил в своем доме, потому что так хотела Поллианна, и которого он теперь усыновил, потому что так захотелось ему самому... так вот, Джимми был просто возмущен и не замедлил свое возмущение выразить.

– Ты только-только вернулась, – упрекал он Поллианну таким тоном, к которому прибегают мальчишки, пытаясь скрыть свою все еще детскую чувствительность.

– Вот тебе раз! Да я здесь еще с конца марта. И, наконец, я уезжаю-то не навсегда, а только на эту зиму.

– Что с того? Тебя не было почти целый год. И если бы я знал, что ты сразу уедешь, я бы сроду не помогал устраивать тебе встречу с транспарантами, и оркестрами, и всем остальными, когда ты возвращалась из своей Санатории.

– Джимми Бин, очнись! – воскликнула Поллианна, ошеломленная этой тирадой, и продолжила с некоторым превосходством, происходящим из оскорбленного чувства собственного достоинства. – Во-первых, я не просила встречать меня «с оркестрами и всем остальным», а во-вторых, ты допустил две ошибки в одном-единственном предложении. Санаторий, это слово мужского рода. А «возвернулась», так тоже не говорят. По крайней мере, звучит как-то неуклюже, мне кажется.

– Кому какое дело до моих ошибок?

Поллианна взглянула на паренька с осуждением.

– Тебе самому, кажется, не было безразлично. Летом ты просил меня исправлять тебя каждый раз, когда ты говоришь неправильно, ведь мистер Пендлтон хотел, чтобы ты научился говорить грамотно.

– Если бы ты, Поллианна Виттьер, выросла в приюте, где у тебя ни одной родной души и где никто тебя знать не хочет, а не среди старушек, которым больше делать нечего, как тебя воспитывать да обучать грамотной речи, ты бы тоже не знала какое слово какого рода, а может, и похуже ошибки допускала бы.

– Ладно тебе, Джимми Бин! – вспыхнула Поллианна. – Наши дамы из Женского благотворительного общества вовсе не были старушками!..

– То есть далеко не все и не такими уж... – поспешила уточнить девочка (ее склонность к буквализму все же возобладала над гневом), – не такими уж старыми, а...

– Если так, то и я вовсе не такой уж и Джимми Бин, – гордо задрал нос, перебил ее мальчишка.

– Ты не... В каком смысле? – удивилась девочка.

– Мистер Пендлтон официально усыновил меня. Он говорит, что давно хотел это сделать, но жалел времени на волокиту. Но теперь уж не пожалел. Поэтому меня правильно называть Джимми Пендлтон. А я его не должен называть дядя Джон, но я еще было не... то есть, я еще не привык. Поэтому я еще не всегда его правильно называю.

Несмотря на то, что мальчик говорил сердито и обиженно, лицо Поллианны засветилось радостью. В восторге, она захлопала в ладоши.

– Как это замечательно! Значит, теперь есть у тебя родная душа, которая хочет тебя знать. И не надо никому объяснять, родные вы или не родные, потому что у вас одна фамилия. Я так рада! Я просто счастлива, счастлива!

Парень вдруг спрыгнул с каменной стены, на которой они сидели вдвоем, и пошел прочь. Щеки его пылали, а в глазах стояли слезы. Именно Поллианне он обязан был свалившимся на него счастьем, и он это вполне осознавал. А он Поллианне только что такого наговорил...

Джимми отфутболил подвернувшийся под ногу камешек, затем другой, и еще один. Он боялся, что горячие слезы брызнут у него из глаз и побегут по щекам. Парень снова отфутболил камень, и еще один, а потом подобрал с земли третий и что было силы швырнул его прочь. Спустя минуту он вернулся к Поллианне, все еще сидящей на каменной ограде.

– А спорим, я первым добежу до вон той сосны! – с притворным задором предложил он.

– А спорим, что нет! – воскликнула Поллианна, прыгивая со стены.

Правда, состязания так и не состоялись: Поллианна вовремя вспомнила, что быстрый бег на данный момент все еще оставался для нее одним из запрещенных развлечений. Но для Джимми это было не так уж принципиально. Главное – щеки его уже не пылали, а слезы отступили от глаз. Джимми снова был самим собой.

Глава 3. Доза Поллианны

По мере приближения восьмого сентября – дня, на который был запланирован приезд Поллианны – миссис Рут Керю впадала во все более глубокое нервное раздражение. Она упрекала себя за опрометчиво данное обещание взять к себе девочку. В этом обещании она раскаивалась с первой же минуты. Собственно, не прошло еще и суток со дня того разговора, как она написала сестре, требуя расторгнуть договоренность. Но Делла ответила, что отступить поздно, поскольку и она сама, и доктор Эймс уже отправили свои письма Чилтонам.

Вскоре пришло еще одно письмо от Деллы, в котором сестра сообщала, что миссис Чилтон дает свое согласие и через несколько дней приедет в Бостон лично, чтобы уладить вопрос со школой и т. п. Поэтому оставалось только позволить событиям развиваться своим путем. Осознав это, миссис Керю покорились неизбежности, хотя и очень неохотно. Конечно, когда к ней в назначенное время нагрянули Делла и миссис Чилтон, миссис Керю не нарушила общепринятых правил элементарного гостеприимства, однако была очень довольна тем, что неотложные дела и нехватка времени заставили миссис Чилтон ограничиться лишь очень коротким сроком пребывания.

То, что прибытие Поллианны предполагалось не позднее 8 сентября, было, пожалуй, к лучшему, поскольку миссис Керю все равно, вместо того, чтобы примириться с мыслью о появлении нового человека в доме, только все больше раздражалась по поводу того, что она называла «минутной слабостью», из-за которой она «согласилась на бессмысленную выдумку Деллы».

Делла, надо сказать, вполне осознавала, в каком душевном состоянии пребывает ее сестра. И если внешне Делла держалась бодро, то в глубине души опасалась вполне возможных последствий. Но она верила в Поллианну и, положившись на девочку, решила позволить той сразу начать свою работу самостоятельно, без постороннего вмешательства. Для этого она умудрилась устроить так, чтобы миссис Керю сама встретила девочку на вокзале, а сама она исчезла сразу после первых приветствий, представив друг дружке гостью и сестру и сославшись на предварительную договоренность. Таким образом, миссис Керю не успела опомниться, как осталась с ребенком с глазу на глаз.

– Делла, стой!.. Но, Делла... ты ведь не можешь... Я же не... – отчаянно выкрикивала она вслед сестре, пытаясь ее задержать.

Но та была уже далеко и если даже и слышала, то не этого не показала. В отчаянии и раздражении, миссис Керю повернулась к стоявшей рядом гостье.

– Какая жалость! Она вас не услышала, – сказала Поллианна, провожая медсестру взглядом, полным надежды. – А я так хотела, чтобы она еще немножко побыла со мной... Впрочем, теперь у меня есть вы. И я этому очень рада.

– Да, у тебя есть я, а у меня есть ты, – мрачновато подтвердила миссис Керю.

– Пойдем, нам в эту сторону, – добавила она, показывая направо.

Поллианна послушно повернулась в указанную сторону и зашагала рядом с миссис Керю через огромный вокзал. Раз или два она обеспокоенно взглянула в насупленное лицо женщины. И, наконец, решила высказать свои опасения.

– Наверное, вы ожидали, что я буду хорошенькой... – взволнованно предположила она.

– Хорошенькой? – удивленно переспросила миссис Керю.

– Да, курчавой, знаете, и так далее. Разумеется, вам интересно было, какая я с виду. Так же, как мне было интересно узнать о вас. Но я сразу знала, что вы милая и славная, как ваша сестра. Я могла это представить, глядя на нее, а вам, конечно, не на кого было посмотреть. А я на самом деле не хорошенькая, потому что веснушчатая. Наверное, это не очень приятно, когда ждешь хорошенькую девочку, а приезжает такая, как я. Зато...

– Что ты выдумываешь, детка! – резковато перебила ее миссис Керю. – Пойдем за твоим чемоданом, а потом поедем домой. Я надеялась, сестра побудет с нами, но, похоже, она не способна посвятить мне даже один вечер.

Поллианна улыбнулась и кивнула.

– Я вас понимаю. Но, видимо, ее кто-то ждал, я так думаю. В Санатории она ежесекундно была кому-то нужна. Это ведь обременительно, когда людям постоянно что-то от тебя нужно. Значит, ты часто себе не принадлежишь, когда тебе самой от себя что-то нужно. С другой стороны, надо, наверное, радоваться тому, что ты всегда кому-то нужен?

Ответа не последовало: впервые в жизни миссис Керю задумалась о том, есть ли в мире кто-нибудь, кому она действительно нужна. Впрочем, не очень-то ей и хотелось быть кому-то нужной. В этом она сама себя убеждала, пытаясь овладеть собственными мыслями. Она хмуро взглянула на девочку, но Поллианна этого взгляда не заметила: глаза ее разбегались при виде окружающей суеты.

– Ничего себе, сколько народу! – в восторге воскликнула она. – Даже больше, чем в прошлый раз. Но я, как ни высматриваю, никого не вижу из тех, кто мне попался тогда. Разумеется, дамы с ребенком здесь не найти, потому что они из Гонолулу. Но была еще девочка, Сьюзи Смит, она здешняя, из Бостона. Может, вы ее даже знаете. Вы не знакомы со Сьюзи Смит?

– Нет, со Сьюзи Смит я не знакома, – сухо ответила миссис Керю.

– В самом деле? Она очень славная и очень хорошенькая: черноволосая, с такими, знаете, кудрями... у меня такие будут, когда я отправлюсь в Рай. Но вы не волнуйтесь: я ее постараюсь найти и вас непременно с ней познакомлю.

– Ой, какой красивый автомобиль! А мы что, на нем поедем? – воскликнула Поллианна, когда они вдруг остановились перед шикарным лимузином, дверцы которого распахнул перед ними одетый в ливрею шофер.

Шофер не сумел скрыть улыбку. Зато миссис Керю ответила тоном человека, для которого поездка в автомобиле – это лишь утомительное передвижение из одного пункта в другой.

– Да, мы поедем на автомобиле.

– Перкинс, домой, – добавила она, обращаясь к нарядному шоферу.

– Ух! Так это ваш автомобиль? – угадала Поллианна в женщине собственницу лимузина. – Какой же он элегантный! Так вы, должно быть, очень богаты. То есть по-настоящему богаты. Богаче людей, у которых ковры в каждой комнате и мороженое по воскресеньям, как у Уайтов из моего Женского благотворительного общества. То есть это его жена была в Женском благотворительном обществе. В те времена я считала их богатыми. А сейчас я знаю, что богатые – это у кого перстни с бриллиантами, горничные и котиковые шубы, а еще шелковые и бархатные платья на каждый день. И автомобиль. У вас все это есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.